

Г.Б. Степанова

Практики применения деятельностного подхода и реализация методологии междисциплинарности в 60–70-е годы XX века

Степанова Галина Борисовна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: gbstepanova@gmail.com

В статье ставятся две задачи: во-первых, обратить внимание на продуктивность применения деятельностного подхода в конкретных исследовательских и проектных практиках 60–70-х гг. XX в., во-вторых, проанализировать возможности реализации в них методологии междисциплинарности. Рассматриваются истоки и применение деятельностного подхода, разработанного в советской философии и психологии, приводится его современная критика. Опыт развития междисциплинарности анализируется в проектах, осуществленных на основе системно-деятельностного подхода Э.Г. Юдина для организации эргономических исследований и разработок, а также сформулированных Э.В. Ильенковым представлений о деятельности и возникновении сознания на примере Загорского эксперимента. Обосновывается тот факт, что эргономические исследования второй половины прошлого века становились экспериментальной базой как для изучения и проектирования профессиональной деятельности, так и отработки междисциплинарных практик. Показывается, что междисциплинарное взаимодействие между философами, психологами и педагогами в процессе Загорского эксперимента повлияло на уточнение философских концепций природы идеального, его субъективных форм и, в целом, сознания человека. Обосновывается продуктивность организации специальных междисциплинарных исследований, проектов и разработок на основе реализации деятельностного подхода с участием специалистов разных областей знания, изучающих человека. Обсуждается проблема междисциплинарности, ее истоки и современные представления. Анализируется содержание понятия проективности как направленности на поиск нестандартных решений в неопределенных ситуациях, способности к целеполаганию, моделированию и проектированию новой реальности. Делается вывод о том, что междисциплинарность и проективность могут реализоваться

как в строго организованном проекте или исследовании, так и коммуникативном пространстве, в котором цели и задачи для всех участников диалога четко не сформулированы.

Ключевые слова: деятельность, сознание, личность, деятельностный подход, эргономика, методология, междисциплинарность, проективность, Загорский эксперимент

Возможности и ограничения деятельностного подхода и теорий деятельности были и остаются предметом анализа психологов и философов как в конце XX в., так и на современном этапе развития науки. Этот подход был основополагающей методологией в психологии второй половины прошлого века. Немало удачных теоретических исследований и практических разработок было реализовано в рамках деятельностного подхода. Можно назвать целый ряд выдающихся ученых, которые занимались его разработкой: философы – Э.В. Ильенков, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин, В.С. Швырев; и психологи – С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, В.П. Зинченко. Все они внесли значительный вклад в обоснование и развитие деятельностного подхода в разных областях философии и психологии.

А.Г. Асмолов [Асмолов, 1990, web] приводит два понимания деятельностного подхода: в более широком смысле – это методологическое направление исследований, которое развивается большинством исследователей, придерживающихся марксистской методологии, в основу которой была положена категория предметной деятельности К. Маркса. В более узком смысле – это психологическая теория деятельности, разработанная А. Леонтьевым. В предисловии к книге «Деятельность. Сознание. Личность» он пишет, что главное «состоит в попытке психологически осмыслить категории, наиболее важные для построения непротиворечивой системы психологии как конкретной науки о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивидов» [Леонтьев, 1975, с. 12].

Глубокий анализ представлений К. Маркса о предметной деятельности, предпринятый Рубинштейном в статье 1934 г. «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» [Рубинштейн, 1983], стал основанием разработки деятельностного подхода и позволил автору сформулировать впоследствии принцип **единства сознания и деятельности**. Этот принцип подчеркивает ту позицию Рубинштейна, а затем и Леонтьева, что психика и сознание как формируются в деятельности, так и проявляются в ней. Рубинштейн писал: «Сознание не является *внешней* силой, которая *извне* управляет деятельностью человека. Будучи предпосылкой деятельности, сознание вместе с тем и ее результат. Сознание и деятельность человека образуют подлинное единство» [Рубинштейн, 2000, web].

За длительный период развития и применения деятельностного подхода было сформулировано достаточно много трактовок понятия деятельности как предмета его дисциплинарного изучения в психологии. Так, говоря о психологическом исследовании, Рубинштейн писал, что в его сферу входит не только изучение мыслительной деятельности, но и практической, посредством которой люди воздействуют на природу и общество. «Однако предметом

психологического изучения в них, – по мнению автора, – является только их специфически психологическое содержание, их мотивация и регуляция, посредством которой действия приводятся в соответствие с отраженными в ощущении, восприятии, сознании объективными условиями, в которых они совершаются» [Рубинштейн, 1959, с. 40]. Дискутируя с Рубинштейном, Леонтьев писал: «Деятельность входит в предмет психологии, но не особой своей “частью” или “элементом”, а своей особой функцией. Это функция полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности» [Леонтьев, 1975, с. 92]. Такое преобразование происходит в процессе формирования образа предмета или явления, на основе которого и осуществляется та или иная деятельность.

Начиная с 90-х гг. прошлого века деятельностный подход подвергался критике и анализу возможностей определения границ его дальнейшего применения. На страницах двух номеров журнала «Вопросы философии» в 2001 г. были опубликованы статьи ведущих философов и психологов, посвященные анализу и оценке как философско-методологических оснований деятельностного подхода, так и результатов исследований в деятельностной парадигме. Суммируя основные критические замечания, В.А. Лекторский отмечает наличие трех основных обвинений: во-первых – в представлениях о том, что эта проблематика была приспособлением к официальной идеологии марксизма(-ленинизма), или той трактовки идей Маркса, которая преобладала в то время; во-вторых, наличии целого ряда проблем, которые не могли быть решены в рамках конкретных теорий деятельности, разработанных в отечественной философии, методологии, психологии; в-третьих, узком понимании философии, «которое было возможно тогда, когда наши исследователи имели плохое представление о современных философских концепциях» [Лекторский, 2001, с. 57].

В целом, анализируя перспективы деятельностного подхода, Лекторский считает, что «последующее развитие психологии и когнитивной науки подтвердило мнение о том, что сегодня деятельностная проблематика является одной из центральных при осмыслении феноменов познания и сознания: растет популярность “энактивированного” (т.е. деятельностного) подхода, при этом некоторые теоретики когнитивной науки в этой связи ссылаются на идеи советской психологии» [Лекторский, 2016, web].

Несмотря на то что деятельностный подход является весьма уязвимым для критики с позиций современной науки, в основном за излишнюю идеологизированность, значение результатов большинства исследований трудно переоценить. Рассматривая эмпирические разработки в разных областях психологии, можно говорить о продуктивности целого ряда направлений, которые основывались на деятельностном подходе. Психология не единственная область знания, в которой деятельностный подход являлся основной методологией изучения человека. В 60–70-е гг. прошлого века этот подход становится базисом для формирования представлений, концепций, теоретических и практических разработок в русле понимания междисциплинарности. М.С. Киселева связывает ее становление с работой Московского методологического кружка (ММК) Г.П. Щедровицкого, его коллег и последователей, что впоследствии стало называться школой Щедровицкого. «Совершенно очевидно, – пишет она, – что

все успехи школы явились результатом последовательного создания междисциплинарного пространства, соединившего в себе проекции разных областей социо-гуманитарных наук» [Киселева, 2019, с. 8]. На разных этапах разработки собственной методологии Щедровицкий применял как деятельностный подход, так и общую теорию деятельности.

Здесь уместно рассмотреть то понимание деятельности, которое было сформулировано Э.Г. Юдиным. Им было выделено по меньшей мере пять различных функций понятия «деятельность»: 1) как объяснительный принцип; 2) как предмет объективного научного изучения; 3) как предмет управления; 4) как предмет проектирования; 5) как ценность в различных системах культуры [Юдин, 1978, с. 272]. Автор показывает, что по отношению к общему понятию деятельности его предметными проекциями становятся понятия деятельности в конкретных дисциплинах. При таком понимании деятельность рассматривается в самых разных контекстах и ракурсах, становится предметом исследований в отдельных дисциплинах, задавая в перспективе основу междисциплинарности. Так, например, исследования деятельности в психологии и лингвистике привели к формированию междисциплинарной области знания – психолингвистики. Детальный анализ речевой деятельности под углом зрения общепсихологической теории деятельности был осуществлен в конце 1960-х гг. А.А. Леонтьевым и его единомышленниками, объединившимися в Московскую психолингвистическую школу. В междисциплинарном исследовании возможно и одновременное использование нескольких функций понятия «деятельность». Так, при создании комплексов человеко-машинных систем деятельность становится не только предметом исследования, но и проектирования, и управления.

Деятельность как предмет исследования рассматривается Э. Юдиным как «нечто расчленяемое и воспроизводимое в теоретической картине определенной научной дисциплины в соответствии с методологическими принципами последней, со спецификой ее задач и совокупностью основных понятий» [Юдин, 1978, с. 272]. Это означает, с его точки зрения, что в отличие от деятельности как объяснительного принципа, который может описывать всю реальность, любой конкретный предмет исследования есть особая проекция этой реальности.

Изучение деятельности как проекции реальности в таких областях, как психология труда, инженерная психология и эргономика, требовало учитывать данные физиологии, анатомии, механики, педагогики. Психология труда имеет весьма давнюю традицию исследований в нашей стране, начиная с психотехники 20–30-х годов прошлого века (И.Н. Шпильрейн, С.Г. Геллерштейн), когда складывалось понимание важности привлечения специалистов разных областей для оптимизации трудовой деятельности. Такая ситуация приводила к необходимости диалога между участниками разработок, формированию общих представлений о конечном результате, применению методов и подходов разных научных дисциплин для реализации проектов по рационализации деятельности. Таким образом создавалось пространство для появления междисциплинарности.

Появление и внедрение разнообразных технических средств в профессиональную деятельность человека привело к интенсивному развитию человеко-машинных систем. И, как следствие, к появлению новых видов деятельности,

аналогов которых до этого не было, что потребовало не только изучения, но и проектирования деятельности. Во второй половине XX в. начали стремительно развиваться инженерная психология и эргономика. На первый план выдвигается особый вид деятельности – проектирование. О.И. Генисаретский считает, что для современного этапа научно-технического прогресса «характерна проектная проработка не столько механических или электрических систем, сколько информационных, социальных и экологических» [Генисаретский, 2007, web].

Проектирование новых видов деятельности должно основываться как на исследовании тех психических процессов, факторов, состояний, личностных качеств и мотивации, которые определяют внутренние средства деятельности, так и на изучении свойств технических средств и условий среды. Фактически, потребовалась организация разработок на стыке технических и естественно-научных дисциплин. Это – психология, антропология, биофизика, гигиена, физиология, акустика, цветоведение и экология. Так формировалась новая область научно-проектировочной деятельности – эргономики.

В.П. Зинченко и В.М. Мунипов, стоявшие у истоков эргономических исследований в СССР, обосновывали появление у эргономики статуса научной дисциплины тем, что с усложнением технических средств происходит уже «не решение конкретной исследовательско-проектировочной задачи, а поиск более общих, в какой-то степени фундаментальных принципов, которые можно было бы эксплицировать в объективированной форме, представить как особые эргономические знания о действительности изучаемого и проектируемого, о средствах и методах работы с такой действительностью» [Актуальные..., 1980, с. 16–17]. Авторы отмечают выявление далеко не тривиальных характеристик деятельности, сознания и личности человека в процессе проведения конкретно-прикладных исследований. Например, проблема формирования образа, большой вклад в изучение которой внес В. Зинченко, во многом связана с решением задачи соответствия информационной и образно-концептуальной модели оператора.

В качестве основных, системообразующих единиц анализа функциональной структуры системы «человек – машина» в эргономических разработках В. Зинченко и В. Муниповым были выделены человеческие факторы. Для каждой проектируемой системы «человек – техника – среда» они (человеческие факторы) выявляются путем предварительного анализа задач конкретной системы, функций человека в ней, особенностей его трудовой деятельности. В процессе эргономического проектирования деятельности решаются вопросы выявления особенностей внутренних и внешних ее средств. Развитие идеи проектирования внешних и внутренних средств деятельности в эргономике В. Зинченко и В. Мунипов связывали с традицией школы Л. Выготского, его представлениями об интериоризации и экстериоризации, пониманием высших психических функций, с анализом знаковых систем и орудийных средств деятельности.

Анализ эргономики как научной дисциплины осуществил Э.Г. Юдин. Он «выдвинул – с культурно-исторических и системно-методологических позиций – программу междисциплинарного изучения структуры и способов деятельности в прикладных контекстах ее психологического исследования,

эргономического проектирования и дизайнерских разработок», – писал И.Н. Семенов, один из членов группы методологов, созданной во ВНИИТЭ в 1975 г. под руководством Э.Г. Юдина [Семенов, 2013, с. 15]. Таким образом, эргономические исследования становились экспериментальной базой как для изучения и проектирования деятельности, так и отработки междисциплинарных практик. Проблематизация статуса эргономики, отмечаемая Э. Юдиным уже в середине 70-х, носила методологический характер: особую остроту приобрела проблема синтеза фундаментальных и прикладных знаний в области изучения человека.

С начала формирования как коррективной, так и проективной эргономики в ее основу были заложены знания, методы исследования и технологии проектирования из разных отраслей психологии, а также таких дисциплин, как антропология, анатомия и физиология, медицина и гигиена труда, теории проектирования и управления. Возникла проблема синтеза знаний и методов отдельных наук в единое поле эргономической деятельности, или междисциплинарного изучения человека в процессе его взаимодействия с техникой.

Эргономика как исследовательская и проектировочная дисциплина опиралась не только на деятельностный подход, но и на разрабатываемые в советской философии также в 70-е гг. принципы системного анализа (И.В. Блауберг, И.В. Садовский, Э.Г. Юдин). На этой основе была реализована методология междисциплинарности и сформировано пространство взаимодействия представителей разных дисциплин. Концептуальные и методологические основания эргономики были сформулированы в значительной своей части во Всесоюзном научно-исследовательском институте технической эстетики (ВНИИТЭ), который был центром дизайнерских и эргономических разработок начиная с 1962 г. В условиях рынка высокотехнологичные отрасли промышленности в России пришли в упадок, снизилось производство современной техники и с связи с этим потребность в дизайнерской и эргономической проработке. В 2014 г. ВНИИТЭ утратил статус Всероссийского института и вошел в структуру МГТУ МИРЭА.

Деятельностная парадигма также стала методологическим основанием так называемого Загорского эксперимента – другого междисциплинарного проекта на стыке философии, психологии развития и педагогики. В 1923 г. И.А. Соколянский организует в Харькове обучение слепоглухонемых и начинает последовательную научно-исследовательскую работу в этой области. Уже после его смерти, в 1963 г., благодаря настойчивым хлопотам А.И. Мещерякова и О.И. Скороходовой, был открыт Загорский детский дом для слепоглухонемых детей, в котором был организован эксперимент и решалась уникальная задача целенаправленного формирования всей человеческой психики. Это был формирующий эксперимент, в котором процесс исследования протекал в реальных условиях и являлся не процессом обезличивания испытуемого, а «процессом раскрытия его возможностей, становления новой деятельности и развития его личности» [Хозиев, 2002, с. 67].

Философской составляющей эксперимента стали работы Эвальда Васильевича Ильенкова, который в 1962 г. написал статью «Идеальное» для первого издания «Философской энциклопедии». В этой статье Ильенков рассматривает

категорию «идеальное» в разных философских концепциях и формулирует свой взгляд на деятельную природу формирования человеком образа мира. «Идеальное, – пишет он, – это схема реальной, предметной деятельности человека, согласующаяся с формой вне головы, вне мозга...» [Ильенков, 2009, с. 171]. Он понимает идеальное как «объект, как предмет особой деятельности (духовного труда, мышления), направленной на изменение образа вещи, а не самой вещи, в этом образе предметно представленной» [Там же, с. 171]. Сознание, согласно концепции Э.В. Ильенкова, возникает только в процессе совместной жизнедеятельности, когда человек должен согласовывать свои действия с другими людьми. Автор концепции «идеальное» получил уникальную возможность проверить свои теоретические представления на практике. Э. Ильенков совместно с А. Мещеряковым являлся активным участником педагогического эксперимента с группой слепоглухонемых детей сначала в Институте дефектологии АПН СССР, а затем в Загорском детском доме для слепоглухонемых с 1955 по 1970 г.

В 1974 г. вышла книга А. Мещерякова «Слепоглухие дети», в предисловии к которой он писал: «Своеобразие слепоглухонемоты как исследовательской проблемы определяется тем, что отсутствие зрения и слуха и связанная с отсутствием слуха немота лишают ребенка возможности (без специального обучения) общения с окружающими людьми. В результате одиночества слепоглухонемой ребенок психически не развивается. При обучении такого ребенка возникает уникальная задача целенаправленного формирования всей человеческой психики» [Мещеряков, 1974, с. 3]. В этой работе подведен итог многолетнего эксперимента по формированию поведения и развитию психики слепоглухонемых детей. Автор довольно подробно описывает поведение детей, которые стали инвалидами не с рождения, а приобрели ее в раннем и даже дошкольном возрасте. Потеряв зрение и слух, они быстро теряли навыки приобретенного поведения и становились совершенно беспомощными. Эти дети могли в течение долгого времени оставаться неподвижными, ничем не интересоваться, не иметь потребности в общении, не могли ходить, есть, пить, отправлять естественные нужды по-человечески. В этих наблюдениях – ответ на один из основных пунктов критики Загорского эксперимента, который высказывался Э. Ильенкову и А. Мещерякову и состоял в том, что удача эксперимента определялась тем, что участвовавшие в нем дети не были слепоглухонемыми от рождения.

Подробно описывая каждодневную работу с конкретным слепоглухим ребенком, А. Мещеряков определил последовательность этапов постепенного формирования движений, ведущих к пробуждению активности через совместную с педагогом деятельность. Например, в случае формирования навыков принятия пищи с помощью ложки «создается сложный комплекс согласованных движений руки, головы и рта, нужный для правильного осуществления процесса еды» [Там же, с. 86]. В основании лежит *совместное действие взрослого и ребенка*, при осуществлении которого важно не пропустить начало самостоятельного выполнения того движения, которое в этот момент осваивается. Если не поймать это еле уловимое проявление самостоятельности, она сменяется полной пассивностью.

Результаты уникального психолого-педагогического исследования Э. Ильенков обсуждал в статье «Становление личности: к итогам научного эксперимента», вышедшей в журнале «Коммунист» в 1977 г. [Ильенков, 1977]. Он показал, что при нормальном развитии мозга эти *существа* не обнаруживают специфически человеческих проявлений психики, ее развития – мышления, речи, сознания, попыток целенаправленной деятельности. Э. Ильенков подчеркивал тот факт, что не имеет значения, возникла ли слепоглухота при рождении или появилась вследствие разных обстоятельств в раннем возрасте. Как было показано в эксперименте, даже если и были какие-то зачатки человеческой психики до наступления слепоглухоты, они деградируют и атрофируются с течением времени, а ребенок превращается в подобие *человекообразного растения*.

Здесь имеет смысл упомянуть об известной полемике между Э.В. Ильенковым и Д.И. Дубровским, которая состоялась в 1968 г. на страницах журнала «Вопросы философии». Суть дискуссии состояла в обсуждении проблемы, в какой мере жизнедеятельность человека объясняется его психофизиологией и в какой – общественными обстоятельствами и культурой. «Социальная саморегуляция субъекта есть функция его головного мозга, социальные программы поведения индивида воплощены в нейродинамических структурах его мозга», – отстаивал свою позицию Дубровский [Дубровский, 1971, web]. Поведение сознательно действующего индивида программируется именно в головном мозге и обладает высокой степенью автономии по отношению к текущим воздействиям и даже по отношению к программам общества. Точка зрения Э. Ильенкова прямо противоположна: «...все без исключения специфически человеческие функции мозга и обеспечивающие их структуры на 100 % – а не на 90 и даже не на 99 % – определяются, а стало быть, и объясняются исключительно способами активной деятельности человека как существа социального, а не естественно-природного» [Ильенков, 1968, web]. Полемика между этими двумя философами так и осталась неоконченной, но обсуждаемая проблема вновь стала актуальной в связи с развитием нейронаук и получаемых новых результатов. Впрочем, это – отдельная тема.

Возвращаясь к итогам Загорского эксперимента, важно отметить, что Э. Ильенков очень эмоционально относился как к самому эксперименту, так и к тем детям, которые в нем участвовали. Он писал: «Они выросли на моих глазах. Я видел, как шаг за шагом совершалось это почти неправдоподобное таинство – чудо рождения души и формирования таланта» [Ильенков, 1977, web]. В уникальном эксперименте он находил аргументы в полемике с Д. Дубровским, подтверждение своим взглядам на природу психического. Его активное личное участие, а также работа других философов (Ф.Т. Михайлова и др.) в его исследовании повлияли на уточнение философских концепций природы идеального, его субъективных форм и, в целом, сознания человека. Важным обстоятельством, без которого этот эксперимент не имел бы успеха, было междисциплинарное взаимодействие между философами, психологами и педагогами.

В феврале 1975 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, посвященное анализу Загорского эксперимента. Э. Ильенков цитирует выступление А. Леонтьева

на этом заседании, который сказал: «Особенность рассматриваемого нами эксперимента заключается в том, что он создает условия, в которых делаются зримыми – мне хочется сказать, даже осязаемыми и притом растянутыми во времени как бы с помощью замедленной киносъемки – узловые события процесса формирования личности, становления (подумать только!) человеческого сознания, условия, которые открывают как бы окно в самые сокровенные глубины его природы» [Ильенков, 1977, web].

Несомненно, идеи Э. Ильенкова оказали сильное влияние на психологические исследования того времени, на развитие деятельностного подхода и применение его в различных областях психологии. В.В. Давыдов подчеркивал тот факт, что Э. Ильенков хорошо ориентировался в психологической проблематике, используя в своих исследованиях возможности деятельностного подхода и культурно-исторической концепции Л. Выготского. «Он также рассматривал, – писал В.В. Давыдов, – некоторые фундаментальные проблемы теоретической психологии (природа идеального и сознания, воображения и мышления, личности и индивидуальности и др.), искал пути их решения, используя средства философского анализа психологического материала» [Давыдов, 1996, с. 478].

В качестве примеров исследований и разработок, в которых деятельность являлась предметом изучения, формирования и проектирования, в этой статье было проанализировано развитие эргономики в СССР, а также Загорский эксперимент, уникальный опыт личностного развития слепоглухонемых детей. В 60–70-е гг. XX в. эти практики, осуществляемые специалистами разных научных областей, позволяли рассматривать в единстве, в совокупности взаимосвязей деятельность как субъекта, так и комплекс его самых разнообразных качеств, психические и психофизиологические функции, здоровье и эмоциональную сферу, функциональное состояние и мотивацию, его опыт, знания, особенности поведения и параметры среды жизнедеятельности. Такой подход с необходимостью приводил к появлению междисциплинарных взаимодействий, разработке концептуальных основ методологии междисциплинарности. Имеет смысл отметить, что различие этих практик с точки зрения методологических оснований междисциплинарности состояло в том, что в эргономике эта методология была с необходимостью востребована, отрефлексирована и включена в принципы организации исследований и разработок. В Загорском эксперименте междисциплинарность формировалась спонтанно, в процессе совместной деятельности и коммуникации участников.

* * *

Междисциплинарность по-разному трактуется исследователями науки и методологами. И.Т. Фролов, например, разрабатывая методологию комплексного подхода к изучению человека, указывал на необходимость «усиления координации между представителями разных наук, так или иначе изучающих человека, включая сюда не только гуманитарные науки (философию, социологию, этику, эстетику, педагогику и другие), но и медицинские, психофизиологические, демографические и т.п.» [Фролов, 1973, с. 11–12]. Междисциплинарная

методология, с его точки зрения, работает на основе синтеза методов отдельных дисциплин. В качестве характеристики междисциплинарности Э.Г. Мирским рассматривается взаимодействие между системами дисциплинарного знания, а также разработка коллективных форм работы ученых разных областей знания по исследованию одного и того же объекта, как правило в прикладном аспекте. И.Т. Касавин рассматривает другую практику реализации междисциплинарности – организацию веб-семинаров, где встречаются и дискутируют представители разных областей знания и дисциплин. «Опыт таких семинаров помогает понять, как формируются междисциплинарные проекты, какие отношения их характеризуют, как строится их обоснование, а также какое влияние они оказывают на т.н. мейнстрим, т.е. дисциплинарную науку», – пишет автор [Касавин, 2014, web].

Междисциплинарность часто проявляется там, где возникают проблемы, которые не могут исследоваться в рамках одной научной дисциплины. В.Г. Борзенков и Б.Г. Юдин считают, что междисциплинарные исследования «организуются в условиях, когда, с одной стороны, существует острый социальный заказ на исследование общественно-значимой проблемы из области, заведомо носящей комплексный характер, а с другой – отсутствует привычная ясность в выборе средств для ее решения, составе и количестве исследователей, механизме их взаимодействия и т.п.» [Борзенков, Юдин, с. 20].

М.С. Киселева [Киселева, 2016] рассматривает другое понимание развития междисциплинарности в науке, которое сформулировал П.В. Малиновский. Согласно его концепции – междисциплинарные исследования в принципе невозможны, поскольку исследование всегда предметно-дисциплинарно, тогда как междисциплинарная деятельность проективна, а потому не может создать междисциплинарного предмета [Малиновский, 2002, web].

Проективность также рассматривается в различных контекстах, в том числе как характеристика направленности и включенности в поиск нестандартных решений разного рода неопределенных проблемных ситуаций, как способность к выработке новых целей, моделированию и, в конечном случае, проектированию. Распространен взгляд на проективность в широком смысле, как на все виды действий, связанных с созданием образов, моделей, прототипов будущих объектов (процессов) или их состояний. Это возможный вариант будущего состояния реальности. В этом смысле проект основан не только на анализе наличной ситуации и возможных вариантах ее преобразования, но и побуждением к деятельности по изменению реальности, созданию другой, новой действительности, удовлетворяющей потребности человека. «В проективной деятельности соединяются уже имеющиеся знания разных предметных областей для нового гуманитарного междисциплинарного пространства, в котором затем возникают иные исследовательские возможности для каждой из предметных областей дисциплинарного знания», – пишет Киселева [Киселева, 2016, с. 1166]. Автор подчеркивает различие между проективностью и проектированием, которое всегда осуществляется для решения какой-либо задачи.

Если рассмотреть с этой точки зрения эргономику, о которой говорилось выше, то проективность в ней присутствовала как направленность на проблематизацию этой области знаний, поиск смыслов или, как говорили В. Зинченко

и В. Мунипов, концептуальных схем, «которые представляют рельефное выражение существа теоретических представлений в оперативном виде с указанием реализующих их исследовательских процедур и возможностей применения» [Актуальные..., 1980, с. 18]. Формировалось коммуникативное пространство, в котором определялись специфические для каждой конкретной проблемной ситуации предметные области дисциплинарных знаний, содержание и методы их соединения, а также новые исследовательские направления. Если говорить об эргономике, то такая проективная деятельность осуществлялась, например, в группах методологов во ВНИИТЭ под руководством вначале Г. Щедровицкого (1965–1969), а затем Э. Юдина (1975). Междисциплинарность и проективность, таким образом, могут реализоваться как в строго организованном проекте или исследовании, так и коммуникативном пространстве, в котором цели и задачи для всех участников диалога четко не сформулированы или участники диалога ориентируются на свои познавательные интересы и научные представления.

В Загорском эксперименте его участники, решая общую задачу целенаправленного формирования психики слепоглухонемых детей, также воплощали собственные идеи и замыслы. Так, например, психолог А. Мещеряков на конкретном экспериментально-теоретическом материале формирования поведения и психики слепоглухонемых детей искал закономерности возникновения и развития человеческого поведения и психики вообще. Свой творческий поиск в подтверждении идей о генезисе сознания и природе идеального осуществлял в реальном эксперименте философ Э. Ильенков. Технологию и программы реабилитации, психического развития и социализации слепоглухонемых, которые применяются и сегодня, разрабатывали воспитатели и педагоги.

Хотелось бы привести аргументы в защиту самой возможности проведения междисциплинарных исследований в науке. Проанализированный в данной работе опыт проведения такого рода исследований в разных областях знания показывает наличие общего предмета – это деятельность человека, изучаемая в различных функциях и проекциях. Деятельность человека представляет собой начало и завершение эргономического исследования, эргономической оценки, эргономического проектирования. Совместная с педагогом деятельность слепоглухонемых детей, которая является пространством становления индивида как самостоятельно действующего субъекта, – предмет исследования и формирования в Загорском эксперименте. Психолингвистика изучает психологические и лингвистические особенности речевой деятельности. Теоретической и методологической основой в этих исследованиях является системный анализ и деятельностный подход, который, реализуя многообразие своих приложений, обеспечивает методологию междисциплинарности.

Список литературы

Актуальные..., 1980 – Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 53 с.

Асмолов, 1990 – Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990. URL: http://pedlib.ru/Books/2/0390/2_0390-64.shtml (дата обращения: 29.03.2020).

Борзенков, Юдин, 2001 – *Борзенков В.Г., Юдин Б.Г.* Методологические основания комплексного изучения человека // Многомерный образ человека. М.: Наука, 2001. С. 17–31.

Генисаретский, 2007 – *Генисаретский О.И.* Деятельность проектирования и проектная культура // Гуманитарный портал. 2007. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2692> (дата обращения: 12.04.2020).

Давыдов, 1996 – *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.

Дубровский, 1971 – *Дубровский Д.И.* Психические явления и мозг // Сайт Д.И. Дубровского. URL: http://www.dialog21.ru/dubrovsky/nauchnye_texty/psihicheskie_javlenia6.htm (дата обращения: 23.03.2020).

Ильенков, 1968 – *Ильенков Э.В.* Психика и мозг (Ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 145–155. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/vf/psycer.html> (дата обращения: 23.02.2020).

Ильенков, 1977 – *Ильенков Э.В.* Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2. С. 68–79 URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/genpers.html> (дата обращения: 23.02.2020).

Ильенков, 2009 – *Ильенков Э.В.* Идеальное // Эвальд Васильевич Ильенков / Под. ред. В.И. Толстых. М.: РОССПЭН, 2009. 432 с.

Касавин, 2014 – *Касавин И.Т.* Междисциплинарные исследования и социальная картина мира // Философия науки. 2014. Т. 19. № 1. С. 9–26. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps19/9-26.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).

Киселева, 2016 – *Киселева М.С.* Гуманитарные исследования и проективность: дисциплинарные и междисциплинарные стратегии знания // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 4. С. 1163–1172.

Киселева, 2019 – *Киселева М.С.* Проблемы междисциплинарности в гуманитарном знании о человеке: идеи и практики Б.Г. Юдина // Философия науки и техники. 2019. Т. 24. № 2. С. 5–20.

Лекторский, 2001 – *Лекторский В.А.* Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 56–65.

Лекторский, 2016 – *Лекторский В.А.* Современные проблемы взаимодействия философии, психологии и когнитивных технологий: к 85-летию со дня рождения В.П. Зинченко. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 5–35. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1479&Itemid=52 (дата обращения: 13.03.2020).

Леонтьев, 1975 – *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Малиновский, 2002 – *Малиновский П.В.* Исследование как профессия // Исследование (Подмосковье, июль 2002 г.) URL: <http://www.shkp.ru/lib/archive/second/investigations/5> (дата обращения: 12.04.2020).

Мещеряков, 1974 – *Мещеряков А.И.* Слепоглухонемые дети. М.: Педагогика, 1974. 328 с.

Рубинштейн, 1959 – *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 356 с.

Рубинштейн, 1983 – *Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 9–25. URL: http://scepsis.net/library/id_2041.html (дата обращения: 13.03.2020).

Рубинштейн, 2000 – *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. URL: <http://psylib.org.ua/books/rubin01/txt01.htm#2> (дата обращения: 13.03.2020).

Семенов, 2013 – *Семенов И.Н.* Организационная методология психологии труда В.М. Мунипова и стратегическое проектирование им эргономики и дизайна // Культурно-историческая психология. 2013. № 3. С. 12–21.

Фролов, 1973 – *Фролов И.Т.* Современная наука и гуманизм // Вопросы философии. 1973. № 3. С. 3–15.

Хозиев, 2002 – Хозиев В.Б. О валидности формирующего метода // Вопросы психологии. 2002. № 5. С. 59–69.

Юдин, 1978 – Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978. 392 с.

The practice of applying the activity approach and implementing the methodology of interdisciplinarity in the 60–70 years of the twentieth century

Galina B. Stepanova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: gbstepanova@gmail.com

Two tasks are posed in the article: first, to pay attention to the productivity of applying the activity approach in specific research and design practices of the 60–70s of the XX century, and secondly, to analyze the possibilities of implementing the interdisciplinarity methodology in them. The sources and application of the activity approach developed in Soviet philosophy and psychology are examined, its modern criticism is given. The experience of developing interdisciplinarity is analyzed in projects implemented on the basis of the system-activity approach of E.G. Yudin for organizing ergonomic research and development, as well as formulated by E.V. Ilyenkov ideas about the activities and the emergence of consciousness on the example of the Zagorsky experiment. The fact that ergonomic studies of the second half of the last century became an experimental basis for both the study and design of activities, and the development of interdisciplinary practices is justified. The interdisciplinary interaction between philosophers, psychologists and teachers in the process of the Zagorsky experiment influenced the refinement of philosophical concepts of the nature of the ideal, its subjective forms and, in general, human consciousness. The productivity of organizing special interdisciplinary research, projects and developments based on the implementation of an activity approach with the participation of specialists from different fields of knowledge studying a person is substantiated. The problem of interdisciplinarity, its origins, and modern ideas are discussed. The content of the concept of projectivity as an orientation towards the search for innovative solutions in uncertain situations, the ability to set goals, model and design a new reality is analyzed. It is concluded that interdisciplinarity and projectivity can be realized both in a strictly organized project or study, and in a communicative space in which the goals and objectives for all participants in the dialogue are not clearly formulated.

Keywords: activity, consciousness, personality, activity approach, ergonomics, methodology, interdisciplinarity, projectivity, Zagorsky experiment

References

Aktual'nye problemy psihologii truda, inzhenernoj psihologii i ergonomiki [Actual problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics]. Moscow: Moscow University Publ., 1980. (In Russian)

Asmolov, A.G. *Psihologiya lichnosti* [Psychology of Personality]. Moscow: Moscow State University Press, 1990. [http://pedlib.ru/Books/2/0390/2_0390-64.shtml, accessed on 29.03.2020]. (In Russian)

Borzenkov, V.G., Yudin, B.G. "Metodologicheskie osnovaniya kompleksnogo izucheniya cheloveka" [Methodological foundations of a complex study of man], in: *Mnogomernyj obraz cheloveka* [Multidimensional image of man]. Moscow: Nauka Publ., 2001, pp. 17–31. (In Russian)

Davydov, V.V. *Teoriya razvivayushchego obucheniya* [Theory of Developmental Learning]. Moscow: INTOR Publ., 1996. 544 pp. (In Russian)

Dubrovsky, D.I. "Psihicheskie yavleniya i mozg" [Mental phenomena and the brain], *Website of D.I. Dubrovsky* [http://www.dialog21.ru/dubrovsky/nauchnye_texty/psihicheskie_javlenia6.htm], accessed on 23.03.2020] (In Russian)

Frolov, I.T. "Sovremennaya nauka i gumanizm" [Modern science and humanism], *Voprosy filosofii*, 1973, no. 3, pp. 3–15. (In Russian)

Genisaretskiy, O.I. "Deyatel'nost' proektirovaniya i proektnaya kul'tura" [Design activities and design culture], *Gumanitarnyj portal* [Humanitarian portal], 2007. [<https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2692>], accessed on 12.04.2020]. (In Russian)

Hoziev, V.B. "O validnosti formiruyushchego metoda" [On the validity of the formative method], *Voprosy psihologii*, 2002, no. 5, pp. 59–69. (In Russian)

Ilyenkov, E.V. "Psihika i mozg (Otvet D.I. Dubrovskomu)" [Mind and brain (Answer to D.I. Dubrovsky)], *Voprosy filosofii*, 1968, no. 11, pp. 145–155. [<http://caute.ru/ilyenkov/texts/vf/psycer.html>], accessed on 23.02.2020]. (In Russian)

Ilyenkov, E.V. "Stanovlenie lichnosti: k itogam nauchnogo eksperimenta" [The formation of personality: to the results of a scientific experiment], *Kommunist*, 1977, no. 2, pp. 68–79. [<http://caute.ru/ilyenkov/texts/genpers.html>], accessed on 23.02.2020]. (In Russian)

Ilyenkov, E.V. "Ideal'noe" [Ideal], in: *Eval'd Vasil'evich Il'enkov* [Evald Vassilievich Ilyenkov], ed. by V.I. Tolstyh. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. 432 pp. (In Russian)

Kasavin, I.T. "Mezhdisciplinarnye issledovaniya i social'naya kartina mira" [Interdisciplinary research and the social picture of the world], *Filosofiya nauki*, 2014, vol. 19, no. 1, pp. 9–26. [<https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps19/9-26.pdf>], accessed on 12.04.2020]. (In Russian)

Kiseleva, M.S. "Gumanitarnye Issledovaniya I Proektivnost': Disciplinarnye I Mezhdisciplinarnye Strategii Znaniya" [Humanities Research and Projectivity: Disciplinary and Interdisciplinary Strategies of Knowledge], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2016, vol. 158, no. 4, pp. 1163–1172. (In Russian)

Kiseleva, M.S. "Problemy mezhdisciplinarnosti v gumanitarnom znanii o cheloveke: idei i praktiki B.G. YUdina" [Problems of interdisciplinarity in human knowledge: ideas and practices by Boris Yudin], *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2019, vol. 24, no. 2, pp. 5–20. (In Russian)

Lektorskiy, V.A. "Deyatel'nostnyj podhod: smert' ili vozrozhdenie?" [The proactive approach: death or rebirth?], *Voprosy filosofii*, 2001, no. 2, pp. 56–65. (In Russian)

Lektorskiy, V.A. "Sovremennye problemy vzaimodejstviya filosofii, psihologii i kognitivnyh tekhnologij: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya V.P. Zinchenko. Materialy 'kruglogo stola'" [Modern problems of interaction of philosophy, psychology and cognitive technologies: to the 85th anniversary of V.P. Zinchenko's birth. The materials of the "round table"], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 9, pp. 5–35. [http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1479&Itemid=52], accessed on 13.03.2020]. (In Russian)

Leontiev, A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat Publ., 1975. 304 pp. (In Russian)

Malinovsky, P.V. "Issledovanie kak professiya" [Research as a profession], *Issledovanie (Podmoskov'e, iyul' 2002 g.)* [Research (Moscow region, July 2002)]. [<http://www.shkp.ru/lib/-archive/second/investigations/5>], accessed on 13.04.2020]. (In Russian)

Meshcheryakov, A.I. *Slepoluhonemnye deti* [Deaf-mute children]. Moscow: Pedagogika Publ., 1974. 328 pp. (In Russian)

Rubinstein, S.L. “Problemy psihologii v trudah Karla Marksa” [Psychology problems in the Karl Marx works], *Voprosy psihologii*, 1983, no. 2, pp. 9–25. [http://scepsis.net/library/id_2041.html, accessed on 13.03.2020]. (In Russian)

Rubinstein, S.L. *Principy i puti razvitiya psihologii* [Principles and ways of development of psychology]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1959. 356 pp. (In Russian)

Rubinstein, S.L. *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of General Psychology]. Saint Petersburg: “Piter” Publ., 2000. [<http://psylib.org.ua/books/rubin01/txt01.htm#2>, accessed on 13.03.2020]. (In Russian)

Semenov, I.N. “Organizacionnaya metodologiya psihologii truda V.M. Munipova i strategicheskoe proektirovanie im ergonomiki i dizajna” [The organizational methodology of the psychology of work of V.M. Munipov and the strategic design of ergonomics and design], *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural and historical psychology], 2013, no. 3, pp. 12–21. (In Russian)

Yudin, E.G. *Sistemnyj podhod i princip deyatel'nosti* [Systematic approach and principle of activity]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 392 pp. (In Russian)